

странных «инструкций» по устранению неудобств, которые могут возникнуть при проведении идей Посошкова в жизнь, и от описания конкретных случаев, виденных им в жизни. Однако этими инструкциями изобилует вся книга. Часть «О отпускных письмах» относительно лаконична. Все это выделяет ее по стилю из всей «Книги о скудости и богатстве». Если сравнить ее стиль со стилем других сочинений Посошкова, можно заметить, что эта часть очень близка к кратким редакциям доношений Посошкова. Эти краткие редакции Посошков иногда вводит в полный текст доношения, например, в «Доношение о ратном поведении».¹⁶ Кроме того, часть «О отпускных письмах» выделяется в книге и своим оформлением. Она единственная во всей книге имеет отдельный заголовок,¹⁷ и ее связь с главами «О разбойниках» и «О крестьянстве» чисто смысловая. Фактически ее можно было бы поставить в качестве самостоятельной главы в любом другом месте книги или вообще исключить из текста без особого ущерба для содержания.¹⁸

Характерно также, что, говоря об «отпускных письмах», Посошков не разделяет понятие «пашпорт» и «отпускное письмо». Однако в 20-е гг. XVIII в. такое разделение, пускай слабое, но все же существовало (о чем свидетельствует и указ 30 октября 1719 г.).

Все эти факты позволяют считать, что часть «О отпускных письмах» главы «О разбойниках» — это отредактированная автором краткая редакция одного из доношений, написанного между 1710 и 1719 г. Введение этой части в главу объясняется желанием автора уточнить понятие «отпускное письмо».

¹⁶ Посошков И. Т. «Книга...», с. 323.

¹⁷ Этот заголовок есть в трех ранних и лучших списках: БАН, 16.3.15; ГПБ, собр. Погодина, № 1749; ГПБ, собр. ОЛДП, Q781. В трех других списках он отсутствует.

¹⁸ Упоминание отпускных писем есть и в первой части главы «О разбойниках» «Книги...», но здесь эта идея является второстепенной, дополнительной и смешана с рассуждениями о правом суде и т. п.

Ю. К. БЕГУНОВ

НОВОНАЙДЕННАЯ АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ НАЧАЛА XVIII В.

В 1979 г., занимаясь в Отделе фондов Череповецкого краеведческого музея, я обратил внимание на интересный сборник третьей четверти XVIII в., форматом в 4-ку, на 157 листах, в картонном переплете с тиснением, в котором, кроме выписок

из Пролога, Апокалипсиса, сочинений «отцов церкви»,¹ на листах 22—24 читается любопытная повесть на тему о возвращении в Москву утраченной в битве под Нарвой 19 ноября 1700 г. священной реликвии — «животворящего креста господня» царя Константина Великого, которую якобы Петр I брал с собой и затем оставил в своем шатре на поле боя. Этим ковчегом с крестом завладел один немец, прельстившийся на «драгия камня и жемчуг драгоценный». Весной 1701 г. тот немец продал эту вещь торговым людям, приехавшим в Нарву из Пскова. От новой владелицы, богатой псковской вдовы, ковчег с крестом поступает к главнокомандующему русскими войсками в Пскове генералу Б. П. Шереметеву, а от него возвращается в Успенский собор в Москве 28 мая 1701 г.² Историческая основа повести об утраченной и возвращенной русской святыне не установлена. Об этом событии не упоминается в «Истории Свейской войны», в «Журнале, или Поденной записке» Петра I, в «Истории России» Ф. Поликарпова, в «Подробной летописи», доведенной до 1709 г. Это, конечно, не значит, что указанное событие не было вовсе. Некоторые реалии исторической обстановки того времени в повести прослеживаются. Известно, что через две недели после Нарвской битвы Петр I приказал Б. П. Шереметеву с конницей и казаками зимовать в Пскове.³ Город на реке Великой на год становится форпостом действовавшей против шведов русской армии. Шведская армия стояла в Лифляндии: Карл XII — на Двине, а генерал Шлиппенбах — у Дерпта. 6 июня 1701 г. Петр I повелел Шереметеву «быть в Свейском походе», и последовали сражения 19 июля при деревне Рауге, 4 сентября при мызе Ряпино, 1 января 1702 г. под Эрестфером, все — победные для русских войск. Датировка событий в повести первой половиной 1701 г. согласуется с тем, что в это время русское войско под командованием Шереметева действительно стояло в Пскове, накапливало силы, укрепляло фортификационные сооружения, готовилось к будущим боям.

Повесть написана как легендарно-политическое сказание, как «чудо» об обретении мощей святых, в данном случае «животворящего креста господня», якобы принадлежавшего императору Восточной Римской империи Константину I Великому (274—337). По преданию, сохраненному древнерусской традицией, с помощью этого креста первый христианский император одержал победу над Лицинием и возобновил в 324 г. греческую ко-

¹ Сборник описан Н. П. Морозовой под шифром № 68 (9—25; 361/362) в кн.: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Под общей ред. проф. П. А. Колесникова. Вологда, 1982, с. 141. Постатейная роспись сборника отсутствует, интересующее нас произведение не отмечено.

² Среди достопримечательностей Успенского собора данная реликвия в XIX в. не упоминалась. См.: Истомин Г. Указатель святыни и достопримечательностей Московского Успенского собора. М., 1888.

³ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого, т. IV. Ч. 1. Битва под Нарвою и начало побед. СПб., 1863, с. 108—109 и далее.

лонию Bizантиум на берегу Босфора — будущий Константинополь, столицу Византии.⁴ Легендарно-политическое сказание в древнерусской литературе всегда начинается с «видения». Так и в нашей повести чудесный крест является во сне богатой псковской вдове, а голос свыше повелевает ей послать своих домочадцев в Ругодев⁵ для приобретения заповедной вещи. Благочестивая вдова, как рассказывает повесть, собирает «все свое имение» — 400 золотых червонцев и 300 ефимков, т. е. иоакимсталеров. Посланные сразу же находят нужного им человека из немцев, но ведут себя осмотрительно и богобоязненно, как и подобает свидетелям «чуда», испытывая благоговейный страх перед святыней; псковичи также опасаются и за свою безопасность в чужой земле и прямо говорят между собой о том, что не хотят попасть в руки «поганных римлян». Любопытно, что лифляндские протестанты по традиции названы здесь «римлянами», хотя их духовная связь с Римом прекратилась после местной реформации в середине XVI в. Действие в повести развивается медленно, степенно, диалог псковичей и «немчина» пространен и нетороплив, речи их изобилуют церковнославянизмами, что представляется нарочитым в отношении «немчина», который вовсе не обязан был знать язык русских богослужебных текстов; наша страна называется по традиции «Русью» и «Русией», а не «Россий», как в титулатуре Петра I в том же произведении. Посланные не прямо говорят немцу о цели своего приезда, а называются воинами, стерегущими путь на Русь. «Немчин» как неправославный ведет себя отнюдь не богобоязненно: он прямо предлагает купить у него ковчег с крестом и стремится взять как можно большую цену, обещая, что расскажет о том, как попала к нему драгоценная вещь. Псковичи хитрят, торгуются, ссылаясь на неспособность средств и свою непринадлежность к торговому сословию: это выглядит вполне естественным и находящимся вне традиций легендарно-политического сказания. Агиографический характер повести, однако, сказывается в том, что нормальный ход событий нарушается вмешательством сверхъестественных сил: иноземец не может ни зарыть найденную вещь в землю, ни хранить ее дома. Неведомый голос велит ему отдать или продать крест русским людям, обещая оставить его в покое. Как подобает персонажу агиографической повести, «немчин» вынужден подчиниться. Случай ускоряет события, как это бывает в агиографической повести или в волшебной сказке: вещь

⁴ ПСРЛ, т. XXII. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф 1512 г. СПб., 1911, с. 268.

⁵ Ругодевым или Ругодивом называлась в русских летописях и актах город и крепость Нарва, расположенная в 12 км от впадения реки Наровы в Финский залив. Она основана в середине XIII в. датчанами, затем через 100 лет перешла к лифляндским рыцарям. В 1558 г. при Иване IV воевода Алексей Басманов берет Ругодев, а в 1581 г. ее возвращает Швеции генерал Понтус де ла Гарди; лишь в 1704 г. Нарва, наконец, окончательно освобождается от шведского владычества.

продается русским, спасенная реликвия прибывает в Псков и там становится в центре действия. Вначале благочестивая вдова «с радостью прият той животворящий крест господень и целует его», затем передает его князю Б. П. Шереметеву, а тот приказывает всему священному собору нести реликвию в Троицкий собор Псковского кремля. Оттуда после благодарственной службы крест отсылается в Москву. Как подобает в агиографических повестях, крест торжественно встречает в Москве духовенство и парод и празднуют возвращение святой реликвии в Успенский собор.

Традиции древнерусского легендарно-политического сказания — «чуда» — довольно ясно прослеживаются в словесной ткани и композиции новонайденного произведения, которое по времени стоит как бы на пороге перехода от древней литературы к новой. По своему характеру эта повесть примыкает к Чуду 1701 г. с колоколами Троице-Сергиева монастыря.⁶ Новое произведение, написанное неизвестным книжником летом 1701 г., когда вся страна напрягала силы для решающей схватки со «Свейским львом», служит в литературе как бы провозвестником побед русского оружия в Северной войне.

Мы публикуем текст новонайденной повести по Череповецкой рукописи с некоторыми орфографическими упрощениями: «ѣ» заменяется на «е», «ъ» и «ь» в конце слов опускаются.

л. 22 а Бысть во граде Пскове явление животворящаго креста господня, явися жене благочестивой.^а

О чудное явление животворящаго креста господня царя Константина 1701-м году. Бысть во граде Пскове некоторой жене-вдове явление некоторыя силы божия. Той благочестивой жене-вдове, сущей богатей, явися ей видение страшно зело: являя ей непобедимую силу свою животворящий крест господень, повеле ей послати на рубежь Немецкия земли Свицкия, веля ей посланным тамо купити вещь от кого не убоиться, что какия быти тамо новыи богом сохранени тамо будут, и послати на куплю тоя вещи злата доволно и сребра, елико довлеет за ту вещь дати, кто станет продавати, а насилием тоя вещи не взимати, токмо цена дати. Она же, жена благочестивая, собра все свое имение, елика имяше излишнее богатство у себя, и посла верных своих домочадцев, рабов сущих своих, и заповеда им ехати || на рубежь Свицкия земли Немецкия, быти близ града Ругодева. Едущим тем посланным мужем от тоя благочестивыя жены и бывшим близ града Ругодева, идущим им заповеданнаго, кто что станет продавати, какую чудную вещь, то бы им и купити. И приехавши тем посланным им на рубежь Немецкия земли Свицкия ко граду Ругодеву, носящии с собою 400 златых червон-

⁶ Белоброва О. А. Чудо 1701 г. с колоколами Троице-Сергиева монастыря. — ТОДРЛ, Л., 1971, т. 26, с. 302—311.

^{а-а} Заголовок — киноварный.

ных, да 300 ефимков любских. И по некоему божию смотре-
 нию увидевше они тамо иноземца, ходяща единого прежде, и
 они его зело убояшася, како бы не впасти поганых в руки рим-
 ляном. И абие страх отложивше и на бога упование свое воз-
 ложивше, ставше на едином месте, а сами страха ради воору-
 жившеся. И видевше того немчина к себе идуща и в руках у себя
 оружия не имеюща. И пришед той иноземец един к ним, и гла-
 гола посланныи: «Мужие рустие! чесо ради семо приидосте и
 кого ищете?» Они же ему рекосте: «Мы ездим на сем месте вас
 ради, но путь стрежем, чтобы вы на Русь не шли вести ради».
 Он же рече им: «Купите у меня вещь, вам угодна будет», и
 показа им ковчег, а в нем — честной животворящий крест гос-
 подень царя *Константина*^б з драгим каменцем и з жемчугом
 драгоценным, что святем животворящим крестом господним ход-
 дил царь || Константин на рать и победил иноплеменник, и на л. 23
 рать с собою носил пред полки. И видена они чудный живо-
 творящий крест господень велми возрадовашася, а сами рекоша
 к себе, скрывающе дело сие от иноземца цены ради, и рекоша
 ему: «Нам таковая вещь не подобает купити, что мы люди под-
 начальные, а не торговья, токмо стрежем путь ваш вас ради».
 Таже рече им иноземец: «Сохранно купите вещь сию драгую,
 вам угодна будет». Таже рекоша иноземцу: «Сохранно, чтобы
 он умалил тяжести ради цены креста господня, ^в да аще ^в мы
 купим вещь сию, и то мы за то истязани будем от начальных
 людей, где вы такую вещь взяли». Он же рече им: «Дайте мне
 1.000 златых червонных». Они же рекоша ему же: «Никако же
 мы не имеем, таковыя вещи сея нелзе нам явити на Руси».
 Он же рече им: «Купите вещь сию, купите, и аз вам отдам ея,
 елико довлеет, и скажу вам, скажу о вещи сей: в прошлом
 1700-м ^г году, егда мы обошли силу вашу ратных людей под
 градом Ругодевым, и пришедшу ми до шатра царского, и вшедшу
 ми в шатер царской, и видех сей ковчег, и взят его аз един,
 и мнях, яко злато в нем есть, и тако сохраних его у себе, и
 отшедшу ми оттоле и скрых его || в некоем месте в горе л. 23
об.
 в землю, и по некоем времени пришедшу ми на место оно и
 хотех взять ковчег сей и нести в дом свой, и не могущу ми,
 понеже многажды ми хотящу нести крест сей кому отдати или
 продати, или кому отдати руским людем, тогда весь цел бываю.
 Таже положих на уме своем таковое обещание, что нести его
 на Русь, понеже и многажды мне от ковчеха сего глас бысть
 нести сию вещь и продати ея на Русь, понеже не носи мене
 в землю свою, не могу тамо быти, а ты от мене никакия напад-
 сти не примеша». И совещахася с теми посланными людьми на
 двустах ефимках любских. Посланные же взеха тот животво-
 рящий крест господень и с ковчегом, а цену ему отдаша. И сами
 вскоре возвратишася во град Псков, и отдаша госпожи своей.
 Она же, жена благочестивая, с радостию прият той животворя-

^б Испр., в ркп. Ко.

^{в-в} Испр., в ркп. даще.

^г Испр., в ркп. 170-м.

щий крест господень, и целует его любезно, с радостно, и скоро возвещает боярину князю Борису Петровичу Шереметеву о чудном животворящем кресте господни. И боярин князь Борис Петрович Шереметев повеле той животворящий крест господень || всему освященному собору нести в соборную церковь Живоначалныя Троицы. И певше молебен, и после молебнаго пения отсылает тот животворящий крест господень к Москве, к великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя, и Белья России самодержцу.

И бысть в Москве сретение великое животворящему кресту и молебное пение в соборной церкви Успения пресвятыя богородицы совершивша в велицей радости 1701-го году, мая в 28 день.

(Череповецкий краеведческий музей, № 68 (9—25; 361/362, л. 22—24).

И. А. КОПАНЕВ

О ПЕРВЫХ ИЗДАНИЯХ САТИР А. КАНТЕМИРА

Кем и где были впервые изданы сатиры А. Кантемира? Ответ на этот вопрос, данный отечественным литературоведением, нельзя считать удовлетворительным. В конце XIX в. известный исследователь творчества А. Кантемира В. Н. Александренко указал, что впервые сатиры были выпущены в свет в Лондоне двумя изданиями в 1749 и 1750 гг.¹ Источником для такого утверждения послужили выходные данные обоих изданий, сообщенные на титульных листах: «В Лондоне, у Жана Нурса, 1749» (A Londres, Chez Jean Nourse, 1749) и «В Лондоне, у Жана Нурса, 1750» (A Londres, Chez Jean Nourse, 1750). В. Н. Александренко даже попытался объяснить выбор места издания тем, что Лондон «был центром ученой жизни того времени, где, кроме того, покойный русский сатирик и дипломат пользовался литературной известностью».² Трудно сказать, насколько это мнение повлияло на последующие работы ученых, однако и в капитальной «Русской литературе XVIII века» Г. А. Гуковского читаем: «Через пять лет после смерти поэта [А. Кантемира] его друг аббат Гуаско издал их [сатиры] в Лондоне (1749) во французском прозаическом переводе... сразу по-

¹ Александренко В. Н. К биографии кн. Кантемира. — Варшавские унив. изв., 1896, кн. 2, с. 13.

² Там же.